

Хотя всё происходило стремительно, обе женщины застыли на середине горного склона. Взгляд, устремлённый вверх, встречал лишь густой снегопад — вершина утёса была не видна, и единственной их опорой оставалась правая рука Ли Чжао, вцепившаяся в меч Тунлун.

Но силы её были на исходе, а свирепый ветер лишь усугублял положение. Честно говоря... она едва ли могла продержаться дольше, чем горит благовонная палочка.

— У-ух! — Ветер ударил с новой яростью.

Сжав глаза и затаив дыхание, Ли Чжао левой рукой прижала к себе девушку, а правой изо всех сил вцепилась в Тунлун, до крови содрав кожу.

Ветер швырял их из стороны в сторону, и рука, державшая меч, снова сочилась кровью. Но они всё же пережили этот порыв.

Когда ветер немного стих, обе женщины, прижатые друг к другу, почти одновременно зашептали на ухо друг другу — и так же разом замолчали.

Помолчав пару мгновений, Ли Чжао, глядя в белую пелену перед собой, тихо произнесла, и голос её звучал хрипло:

— Я не отпущу тебя. Даже если умру.

В этом была её решимость — она ни за что не позволит девушке в своих объятиях пожертвовать собой ради её спасения.

Та понимала всю твёрдость этих слов, и сердце её дрогнуло. Но сейчас было не время для сентиментальностей, и, собрав волю, она сказала:

— Ли Чжао, я благодарна тебе. Но на этот раз отпусти меня.

— Нет! — Голос Ли Чжао прозвучал резко, что с ней бывало редко, и она прижала девушку ещё крепче — так, что их сердца забились в унисон, будто волны на одном озере.

Вань Цзюньи сжала ткань одежды Ли Чжао, взгляд её смягчился, но голос стал холоднее.

— Отпусти. Я не умру.

— Но ты можешь пострадать. А я не хочу, чтобы ты страдала.

Ли Чжао верила её словам, но не могла вынести мысли, что Дева Цзюнь снова получит хоть малейшую травму.

— Дева Цзюнь, я сожалею. Мне не стоило отдаляться от тебя, прости...

Слово «прости» сорвалось у неё с рыданием, голос был так искажён, что трудно было разобрать слова. Наверное, можно было догадаться, что она делала до этого...

В сердце Вань Цзюньи поднялась буря.

И всё же...

— Я не сержусь. Но пойми: в тебе заключена судьба Ало-Лазурного, тебе предназначено восстановить порядок в мире, и ты — единственный противник Звезды Чёрного Пятна. Пока

Звезда Чёрного Пятна не будет уничтожена, хаус не прекратится. Безопасность людей важнее моей жизни, тем более что сейчас я не умру.

Не дав ей ответить, Вань Цзюньи, переведя дух, продолжила:

— И Лазурная Звезда, и Алая Звезда отдали все силы — и свои жизни — чтобы подготовить этот план. Ли Чжао, я в нём — переменная, опасная для тебя. Пожалуйста, не...

— Хватит! — Ли Чжао резко прервала её, и тело её задрожало — то ли от горя, то ли от гнева.

На самом деле она понимала всё, что говорила Дева Цзюнь.

И то, что слышала в Фэнлине, и то, что сказал ей Снежный Бог — она всё понимала, но не хотела принимать, не хотела вникать. Она обманывала себя.

Она хотела быть обычным человеком, хотела провести жизнь в бамбуковой роще с учителем. Но учитель погиб в Фэнлине. Она чувствовала вину, но могла отложить скорбь, чтобы выполнить его последний наказ. Поэтому после встречи с Девой Цзюнь она стала о ней заботиться. Сильно заботиться.

Но это было раньше...

Теперь что-то изменилось. Казалось, даже без наказа учителя она хотела заботиться об этой девушке всю жизнь, защищать её, не давать ей получить ни царапины, держать в объятиях — и бесконечно страдала от её отказа...

Что же это было? Ли Чжао не понимала. Но она твёрдо знала одно: что бы ни случилось, даже если Дева Цзюнь возненавидит её, она не отпустит её здесь.

Если уж на то пошло...

— Дева Цзюнь, ты умеешь ходить по стенам?

Возможно, из-за того, что её только что оборвали, Вань Цзюньи долго молчала. Лишь услышав этот вопрос, она наконец ответила:

— Умею. Но если ты не хочешь отпускать меня, то и я не отпущу тебя.

В её голосе слышалась лёгкая досада — он звучал ровно, без прежней холодности, но Ли Чжао это почувствовала. И от этих слов сердце её наполнилось радостью, даже несмотря на шаткость их положения.

— У-ух! — Ветер снова налетел с силой.

Ли Чжао зажмурилась и невольно повернула голову — губы её случайно коснулись щеки Девы Цзюнь... В груди забилась громкий барабан, она резко отстранилась, забыв задержать дыхание, и ветер ворвался ей в лёгкие. Но тепло, разлившееся из самой глубины, не уходило.

Вань Цзюньи тоже вспыхнула. Но она понимала, что Ли Чжао сделала это не нарочно, поэтому не сердилась, хотя смущение осталось. Когда ветер чуть стих, она ровно сказала:

— Теперь я хочу отпустить тебя.

— М-м, хорошо.

Ли Чжао обрадовалась — впервые она видела, как Дева Цзюнь капризничает. Да и слова эти были правдой: её правая рука, державшая меч, уже онемела и могла разжаться в любой момент. Поэтому она искренне надеялась, что та её отпустит. С её искусством лёгкого шага подняться вверх было бы нетрудно, если бы была опора для первого толчка — и сама Ли Чжао могла бы стать этой опорой.

Казалось, Вань Цзюнь прочла её мысли. Она отпустила шею этой дурочки левой рукой и подняла её, чтобы ухватиться за рукоять Тунлуна. Так она тоже могла стать «опорой» и поддержать подольше.

— Если мы решили жить вместе, то не думай о глупостях. Если устала — обними меня. Я заменю тебя.

Услышав это, Ли Чжао на мгновение замерла, а затем с улыбкой ответила:

— Хорошо.

И, словно рука её снова обрела чувствительность и силу, она крепче сжала меч. Хотя ей очень хотелось обнять девушку обеими руками, она не могла позволить, чтобы Дева Цзюнь страдала, поэтому лишь подумала об этом.

Так прошло ещё некоторое время. Ветер налетал снова и снова, раскачивая двух женщин на склоне, словно на качелях, а падающий снег постепенно отнимал у них остатки сил.

К этому моменту правая рука Ли Чжао была уже окровавлена и прилипла к мечу — каждый толчок отзывался болью, будто кожа сходила с кости. Но она не обращала внимания, думая лишь о девушке в своих объятиях.

Из-за свирепого ветра они долго молчали. Ли Чжао боялась, что Дева Цзюнь уснёт, поэтому, когда ветер чуть стих, заговорила — хотя снег и ветер били ей в лицо, голос её всё же пробился, слабый и хриплый:

— Дева Цзюнь... ты в порядке?

— М-м.

Услышав этот тихий ответ, она успокоилась и уже хотела сказать «хорошо», как почувствовала, что её голова мягко прижалась к плечу девушки.

Ли Чжао, вынужденно уткнувшись в плечо Девы Цзюнь, моргнула ресницами, покрытыми инеем, — с лёгким недоумением и радостью.

— Больше так не делай.

Эти слова тихо прозвучали у неё в ухе. И хотя это был запрет на «следующий раз», Ли Чжао была счастлива и с улыбкой ответила:

— Хорошо.

Чуть позже, когда ветер снова стих, Вань Цзюнь решила сменить Ли Чжао и сама взяться за меч. Но лишь она пошевелилась, как услышала стон девушки, прижатой к её плечу.

— Дева Цзюнь... не двигайся, хорошо?

— ...

Вань Цзюньи снова обняла её за шею, нахмурилась, подумала несколько мгновений и всё же сказала:

— Дай мне сменить тебя. Если будешь держать дальше, рука может повредиться навсегда.

— Неважно... — прошептала Ли Чжао, закрыв глаза.

Как раз в этот момент подул ледяной ветер, заглушивший её слова и словно принёсший с собой колючие льдинки, оседающие на их телах.

Когда ветер прошёл, Вань Цзюньи слегка вздрогнула от холода и, стараясь говорить ровно, спросила:

— Ты что-то сказала?

Но Ли Чжао не ответила.

— Ли Чжао?

Никакого ответа.

Сердце её дрогнуло. Вань Цзюньи нахмурилась, уже хотела позвать снова, как почувствовала, что под ладонью разливается тепло.

Что это...

Она тихо вздохнула, опустив глаза. Чувства её были сложны, и все слова, что она хотела сказать, свернулись в два:

— Дурочка.

И правда, дурочка. Даже если бы ветер был ещё холоднее, для неё, привыкшей к холоду, это не было бы проблемой. Но та, что так крепко держала её, так беспокоилась, что активировала Текущий дух, чтобы вызвать внутренний огонь — в такой ситуации это было равносильно самоубийству...

Вань Цзюньи должна была разозлиться — на то, что Ли Чжао совсем не бережёт себя, на то, что та проигнорировала все её предостережения. Но это тепло, передававшееся от кожи к сердцу, вызвало в ней бурю, которую невозможно было унять.

Она не могла злиться — только благодарность, сожаление и вину. Перед Ли Чжао. И перед...

— У-ух! — Ветер снова ударил.

От этого порыва Вань Цзюньи очнулась. Она посмотрела вверх: хотя вокруг всё ещё была белая пелена, край утёса, казалось, угадывался. Но как подняться туда с Ли Чжао? Или спуститься?